

Уважаемый Владимир Антонович!

Я долго думал и решил Вам написать.

В 1933 году я жил в селе и испытал полностью всё счастье и несчастье сполна и никому не желаю даже во сне.

В нашем селе стопроцентная коллективизация прошла еще в 1928 году. Позже, когда вышла статья «Головокружение от успехов» Сталина, некоторые крестьяне вышли из колхоза. Это в основном крестьяне, которые работать особо не любили. Они до коллективизации свои земли сдавали в аренду более зажиточным хозяевам. Те обрабатывали, а осенью платили зерном за арендованную землю. Их называли «осінні богачі, весінні прохачі», т.к. до весны им не хватало зерна. Осенью они пили, гуляли, а весной занимали до урожая. Эти хозяева имели дома, как и все, пару лошадей, корову, свиньи, кур, овец. Наемной силы наши селения обычно не имели, только во время уборочной нанимали одного рабочего, т.к. греки были очень скудные.

90% домов саманные, а остальные кирпичные. Любили порядок во дворе. Дворы большие. Село тоже немалое (5 улиц по 2 км длиной). Будучи колхозниками с песнями ездили на работу в поле и обратно, а в жаркое время и ночевали там. Урожаи были очень богатые. А потом началось раскулачивание колхозников и выселение их на Урал. Выселяли в чем стояли. Т.к. всё забирали, то многие умирали. У меня не было ни отца ни матери я жил у дедушки с бабушкой и семьей брата отца. Дядя был членом правления колхоза, полеводом. Дом был саманный. До коллективизации держали двух коров, три лошади, пятнадцать овец, свинью, кур. Семья состояла из 10 человек, а том числе трое детей: я 1918 г., дочка дяди 1928 г. рождения и сын 1930 г.

На трудодень получали очень мало, обычно в граммах, редко килограмм). И то обычно ячмень и овес. Молоди вместе наполовину хлеб внутри был сырой. Осенью, после уборки, мы, мальчишки, шли в поле собирать колоски, т.к. взрослым за сбор колосков давали 5 лет. Но нам тоже не удавалось. Соберем колоски и вдруг объездчик на лошади с кнутом. Мы убежать, а он нас кнутом бьет. Мы плачем, просим: «Дяденька, не бей, отдай нам колоски». Но он не отдавал, и мы приходили домой с пустыми руками.

И вот план о раскулачивании с каждым годом увеличивали. И под этот план попала и наша семья. Но поскольку дядя был членом правления колхоза, то его предупредили заранее, чтобы он выехал из дому. И вначале 1933 года он уехал в Алчевск на шахту (ему дали документы), а мы остались дома. Утром пришли к нам, всё описали и забрали (нас уже не высылали).

В этот год зерна никакого не дали. Оставили то, что было на себе. До раскулачивания я с теткой саночками возил полону - для корма коровы, которую вороны разгребали и портили, но брать не разрешалось. Мы это полону пересевали и этими зернышками до весны как-то поддерживали жизнь. Весной потеплело, но трава еще не выросла, кушать абсолютно ничего не было.

Я с соседским мальчиком за 1,5 км ходил в русское соседнее село, где коллективизация почти не коснулась, просили милостыню. Но они на нас злились, что мы вступили в колхоз. Мы старались говорить, что мы не греки, но язык нас продавал. Мы питались, кто что даст: кто картошку, кто кусочек сухарика, бурак. У моего отца была скрипка. Она осталась мне. У греков все увеселения проходили под скрипку, барабан и флейту. Мою скрипку часто брали другие, т.к. это была лучшая скрипка Страдивариуса. И когда

описывали имущество, её не было дома. Я её променял в соседнем селе на ведро картошки.

Я ел всё, что попадалось под руку имел, найду куски, растолку и пеку пышки, шкуру любую найду, обсмалю и ем, а тётка и бабушка уже подняться не могли и на глазах умирали. Умерших не хоронили. Они лежали днями, их обгрызали мыши. Умирали и колхозники. С появлением травы я начал варить лебеду. Сначала выпью воду, а потом поем траву. От этого я опух, плохо ходил, но все время двигался. Что-то находил и ел. Так и осилил голодную смерть. Фельдшер говорил, что нас два человека в таком состоянии выжили.

Когда начали пухнуть, я дядину жену с двумя детьми отвез в Алчевск. Наше село от станции Рос было в 18 км. Когда я там был, то видел, что вокруг элеватора валялись зернышки, кругом загорожено. Но люди идут собирают зернышки, падают и умирают. Год этот был страшным. Всё описать невозможно. В 14 лет я стал седым.

Усадьба у нас была большая и если бы тогда разрешили садить во дворе, то никакого бы голода не было. А то ведь все в колхозе работали, а дома ничего не разрешали садить.

Когда немного окрепли, переехали в Алчевск, а оттуда в Ворошиловград. И вот 1937 год. Дядю арестовали как врага народа. Он там и погиб. Посмертно реабилитирован. Арест не связан с раскулачиванием, а просто как грека. Сосед был грек, у которого не было родителей. Он рос как бродяга. Вместе с дядей завоевывали советскую власть и вместе арестовали. В Ворошиловграде дядя работал конюхом в совхозе.

В 1940 году меня призвали в армию, где и застала Отечественная война. В 1944 году, когда наши части вошли в Восточную Пруссию, меня сняли с фронта. Я был направлен в Бобруйск в запасной батальон. Люди, куда приехал, мне сказали что я неблагонадежный (в то время имел два ранения, две награды, член партии). Долго проверяли. Очевидно, ни до чего не докопались, да и докапываться где ни было, т. к. до армии я работал на паравозостроительном заводе «Октябрьской революции», был лучшим стахановцем. После проверки я попал в Чехословакию, где 19 апреля 1945 года был тяжело ранен. До 9 мая 45 года был без сознания, но снова ожил.

Коротко о нашем селе. В детстве я слышал рассказ одного старика. При Екатерине II были высланы со всем своим имуществом и скотом греки из Крыма в Донбас, где организовали 25 сел, в том числе и Мариуполь. Земля здесь очень плодородная. Наше село Константинополь находилось между двумя речками. Налога первое время с греков не брали, а когда начали жить зажиточно, уже другой царь решил обложить налогом, но скупые греки не смогли платить, протестовали. Тогда правительство выселило русские села, но на более бедных землях.

Село это Донецкой области, Большеянисельского р-на а теперь Новоселковский р-н село Константинополь. Соседние села Улаклы, Богатырь и др. Но каждое село имело свой язык. В одних греческий язык, у других греко-татарский. В 1965 году я ездил в свое село, конечно, не узнал. Саманные дома в большинстве развалились. Из греков остались единицы.

Уволен я в 1978 г. Последние 20 лет работал в газопроводе. 10 раз избрался неосвобожденным секретарем парторганизации. Сейчас 10 лет на пенсии. У меня три сына, 6 внуков. Жена пенсионерка.

Извините за непоследовательную писанину, но тяжело все это восстанавливать в памяти.

С уважением

Ветеран войны и труда, инвалид Великой Отечественной войны. Алексеенко Иван Тимофеевич

Мой адрес 348024 г. Ворошиловград

ул. Клары Цеткин, 17